

Иван дурак и кабан

Слушай, дружок, сказку. Не простую, а с хитрецей, со смехом и с большим-пребольшим секретом.

В некотором царстве, в тридевятом государстве, где речка молоком течёт, а берега из киселя, случилась беда небывалая. Жил-был там Кабан. Да не простой, а **Кабанище-Чудовище!** Ростом — с добрый стог сена, щетина — твёрдая, как колючки, клыки — что два кривых кинжала, длиннее твоей ладошки. Как глянет своим глазом-угольком — у всех смельчаков коленки в пляс пускаются, а из самого дальнего леса слышно, как он грозно похрюкивает:

— **ХРЮ-ХРЮ-БУ-БУ! ВСЕХ ПЕРЕВЕРНУ!**

И такой он был вредина, что словами не описать. Выйдет ночью в деревню — давай под окнами топтать. **Топ-топ-топ!** — так громко, что избы ходуном ходят, а горшки с печей сами в пляс идут. А ещё он любил пугать. Подкрадётся к колодцу, наберёт в рот воды — и как прыснет на проходящего зайца! Заяц, бедный, мокрый и перепуганный, потом три дня заикался: «З-з-здрасьте!» А больше всего он любил в царском саду безобразничать: налетит, словно вихрь, переломает все яблони, вытопчет грядки с морковкой, перепугает золотых рыбок в пруду — они на берег выпрыгивают и чешую от воздуха теряют. И был таков.

И никто ничего не мог с ним поделаться. Царские воеводы в железных доспехах только пятками сверкали — быстрее, чем ласточки. Прославленные охотники с мушкетами в кустах отсиживались, прикидывались мухоморами. А один смельчак вообще на самую высокую сосну залез и слезать отказывался: «Я теперь тут птичка!»

Царь Горох с горя похудел так, что корона на глаза сползла, и издал указ:

— Кто прогонит Кабана-вредину из нашего царства — тому полцарства, мешок золотых монет и дочку мою, царевну Несмеяну, в жёны!

И вот со всех концов земли потянулись женихи-удальцы — на белых конях, с мечами булатными. Да только все они, как один, от кабаньего «Хрю!» разбегались, теряя по дороге и доспехи, и сапоги, и даже ложки за пазухой. Царство погружалось в уныние. Даже солнце стало серым, как валенок.

А на самой окраине, где куры не поют, а воробьи не чирикают (потому что спать любят), жил-был паренёк по имени **Иванушка**. Третий сын у матери. Все вокруг звали его дурачком, потому что он всё делал не как люди. Глуповатый был. Но сердце у Иванушки было добрейшее, а смех — такой заразительный, что даже деревья в лесу начинали весело покачивать ветвями, будто танцевать.

Пока богатыри доспехи чистили, да планы битв строили, Иванушка горя не знал. Его забота была простая: найти чего-нибудь вкусенького. В доме — хоть шаром покати, хоть колобком прокатись.

Вот идёт Иван дурак по лесу, суму пустую на плече несёт, мечтает о пирожке. Увидел куст малины — наелся. Увидел ручеёк — напился. Вдруг смотрит: пенёк стоит, а на пеньке лежит

большой-пребольшой **пряник!** Медовый, румяный, глазурью блестит. Только вот лежал он на солнышке три дня, поэтому стал твёрдым, как кирпич.

— Вот это удача! — обрадовался глупый Иванушка. — Бабушке Маланье гостинец принесу! — схватил пряник и пошёл дальше, напевая: «Ла-ла-ла, хрюшки-крошки...»

Идёт он, идёт, и вдруг из чащи — **БАХ!** — вылетает Кабанище-Чудовище. Глаза горят, как две печки, пяточок ходуном ходит, ноги толстые землю роют. Увидел Иванушку и как зарычит громовым голосом:

— ХРЮ-ХРЮ! ЧТО ЗА ЗВЕРЬ ТАКОЙ МАЛЕНЬКИЙ? СЕЙЧАС Я ТЕБЯ ЗАТОПЧУ И В КОТЛЕТКУ ПРЕВРАЩУ!

Умные братья Ивана, наверное, тут же бы убежали. Но Иванушка, как мы помним, был не таков. Он и не думал пугаться. Увидел огромную кабанью пасть и решил, что зверюга просто очень голодный. А Иванушка был добрый малый.

— Не дело, чтобы такой большой зверь голодным ходил, — сказал он. — На, подкрепись, дружок!

И со всей дури швырнул пряник прямо в открытую пасть Кабанищу. А пряник-то — твёрдый, как камень. Летел-летел и угодил Чудовищу точнёхонько в горло. Кабанище поперхнулся, захрюкал, закашлял, закрутился волчком на месте. А Иванушка, видя, что зверю плохо, давай ему по спине стучать кулачком и приговаривать:

— Ну, не расстраивайся ты так, дорогой! Маленько горлышко поцарапал? Сейчас пройдёт! Ты только откашляйся как следует!

Такого с Кабаном ещё никто не делал! От неожиданности и щекотки (а Иванушкины кулачки были щекотные, как перья павлина) Кабанище-Чудовище вдруг... **АПЧХИ-И-И!** — чихнул! Да так громко, что в соседней деревне бабушки подумали — гром среди ясного неба, и начали зонтики раскрывать. А вместе с чихом из его пасти вылетел тот самый пряник, а за ним — **все его страшные клыки!** Оказывается, они у него на одном честном слове держались, да на обиде.

И тут началось волшебство. Кабанище стал сдуваться, как воздушный шарик, у которого ниточку развязали. Щетина его обмякла, ноги укоротились, и через минуту на полянке стоял... обыкновенный маленький поросёнок! Розовый, с любопытным пяточком и грустными глазками. Только на пяточке — родимое пятнышко в виде клубнички.

Иванушка присмотрелся и хлопнул себя по лбу:

— Постой-ка! Да ты же тот самый поросёнок, что от бабки Маланьи месяц назад убежал! Она все глаза выплакала, тебя искавши. А ну-ка, пойдём домой, маленький разбойник!

Поросёнок виновато хрюкнул и прижался к Иванушкиной ноге. Оказалось, он удрал от бабки, потому что она не дала ему клубничное варенье. А он очень любил варенье. От обиды он начал злиться, дуться-надуваться и превратился в огромное Чудовище от гнева. И чем больше злился, тем страшнее становился. А добрый пряник да щекотка всю злость как рукой сняли.

Взял Иванушка поросёнка на руки, принёс к бабке Маланье. Та на радостях таких пирогов напекла — с капустой, с грибами, с вишней, — что на всё царство хватило. И царевне Несмеяне кусок достался. Попробовала она пирога с капустой — и впервые за много лет **улыбнулась**. А попробовала с вишней — и рассмеялась так звонко, что во дворце люстра зазвенела и придворные заулыбались.

Царь Горох от удивления корону поправил, полцарства Иванушке отдал (правда, полцарства оказалось огородом с горохом, но Иванушка был не против), а от женитьбы на царевне вежливо отказался:

— Я, ваше величество, лучше за бабкой Маланьей ходить буду да поросёнка вареньем угощать. У нас и так весело.

Поросёнок, как выяснилось, больше никогда не буянил. Он получил целое ведро клубничного варенья и каждое утро чинно хрюкал:

«Хрю-хрю, спасибо!»

Стали они жить-поживать, добра наживать. А секрет этой сказки прост: иногда самое большое и страшное чудище внутри — это просто маленькая, забытая всеми обида. И чтобы победить её, не нужен острый меч. Иногда достаточно просто... угостить её пряником.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец! И тому пряник в награду.